

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2026.8341

EDN: VNJKTB

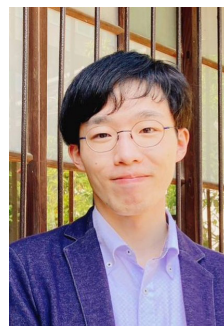
Идеал красоты у Ф. М. Достоевского

Синго Симидзу

Токийский университет

(г. Токио, Япония)

e-mail: s1220kiyo@outlook.jp

Аннотация. В статье исследуется формирование эстетического и этического идеала красоты в творчестве Ф. М. Достоевского. На основе методологии, предложенной в работах Тойофуса Киноситы, автор прослеживает эволюцию понимания категории красоты у Достоевского — от раннего увлечения эстетикой Шатобриана и Шиллера до формирования собственной зрелой концепции. В статье проанализировано, как писатель переосмысливает философскую традицию, в частности идеи Ф. Шиллера, полемика с которыми отражена в статье «Г.-бов и вопрос об искусстве» (1861). Если Шиллер рассматривает красоту и свободу как гармоничные идеалы, то для Достоевского свобода — амбивалентный дар, несущий как возможность нравственного восхождения, так и риск греховного падения. Это идеал, к которому можно лишь бесконечно стремиться в условиях земного бытия, что объясняет сосредоточенность художественного мира Достоевского не на изображении гармонии, а на трагическом поиске утраченного идеала. Центральное внимание уделяется полемике писателя с утилитарным подходом к искусству и материалистической антропологией, в частности с теорией «разумного эгоизма» Н. Г. Чернышевского. Концепция Достоевского раскрывается в «Записках из подполья», где иррациональная свобода противопоставляется рациональному эгоизму, сформулированному в статье Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (1860) и художественно воплощенному в романе «Что делать?» (1863). В итоге красота понимается Достоевским как потребность человека, ведущая к идеалу, воплощенному во Христе, а этика, эстетика и религия сливаются в его поздней формуле идеальной красоты: «Мир спасает Красота Христова».

Ключевые слова: Достоевский, Шиллер, Гегель, Шатобриан, Чернышевский, эстетика, этика, красота, идеал, свобода

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Grants-in-Aid for Scientific Research of JSPS, проект 25KJ0904 «Эстетика как антропология: позиция концепции красоты в философии свободы Ф. М. Достоевского».

Для цитирования: Симидзу С. Идеал красоты у Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2026. Т. 13. № 1. С. 5–17. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8341. EDN: VNJKTB

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2026.8341

EDN: VNJKT B

Fyodor Dostoevsky's Ideal of Beauty

Shingo Shimizu

Tokyo University

(Tokyo, Japan)

e-mail: s1220kiyo@outlook.jp

Abstract. The article examines the formation of the aesthetic and ethical ideal of beauty in the works of Fyodor Dostoevsky. Based on the methodology proposed in the works of Toyofusa Kinoshita, the author traces the evolution of Dostoevsky's understanding of the category of beauty — from his early fascination with the aesthetics of Chateaubriand and Schiller to the development of his own mature concept. The article analyzes how the writer reinterprets the philosophical tradition, particularly Friedrich Schiller's ideas. Dostoevsky's polemic with Schiller is reflected in the article "Mr. -bov and the Question of Art" (1861). While Schiller views beauty and freedom as harmonious ideals, for Dostoevsky freedom is an ambivalent gift, carrying both the possibility of moral ascent and the risk of sinful fall. It is an ideal that can only be endlessly strived for under the conditions of earthly existence, which explains why Dostoevsky's artistic world focuses not on depicting harmony, but on the tragic search for a lost ideal. Central attention is paid to the writer's polemic with the utilitarian approach to art and materialist anthropology, in particular with Nikolai Chernyshevsky's theory of "rational egoism." Dostoevsky's concept is revealed in "Notes from Underground," where irrational freedom is contrasted with the rational egoism formulated in Nikolai Chernyshevsky's article "The Anthropological Principle in Philosophy" (1860) and artistically embodied in the novel "What Is to Be Done?" (1863). As a result, beauty is understood by Dostoevsky as a human need leading to the ideal embodied in Christ, and ethics, aesthetics, and religion merge in his later formula of ideal beauty: "The world will be saved by the Beauty of Christ."

Keywords: Dostoevsky, Schiller, Hegel, Chateaubriand, Chernyshevsky, aesthetics, ethics, beauty, ideal, freedom

Acknowledgments. This research was supported by Grants-in-Aid for Scientific Research of JSPS, Project 25KJ0904 "Aesthetics as Anthropology: The Position of the Concept of Beauty in the Philosophy of Freedom of F. M. Dostoevsky".

For citation: Shimizu Shingo. Fyodor Dostoevsky's Ideal of Beauty. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2026, vol. 13, no. 1, pp. 5–17. DOI: 10.15393/j10.art.2026.8341. EDN: VNJKT B (In Russ.)

Эстетический аспект творчества Достоевского, рассматриваемый в контексте европейской и русской философии, является предметом многочисленных исследований. В методологическом отношении для нас важна концептуальная статья японского ученого Т. Киносита «Понятие "красоты" в свете идей эстетики Достоевского» [Киносита]. Исследователь указывает на характерную для Достоевского, как и для Гоголя, двойственность понимания красоты. Писатель, согласно Киносите, противопоставлял «содомской» красоте иную — «красоту, соединенную с состраданием» [Киносита: 97].

Интерес Достоевского к категориям красоты и прекрасного проявился уже в молодые годы. Это находит подтверждение в переписке братьев Достоевских 1840-х гг., где они, в частности, активно обсуждали книгу Шатобриана «Гений христианства». Как отметили Р.-Л. Джексон и С. Олливе, эта работа повлияла на формирование эстетических взглядов писателя ([Jackson], [Олливе]). Общность с Шатобрианом прослеживается у Достоевского в развитии теории «идеального прекрасного» и в понимании миссии художника, призванного открывать и являть миру божественную красоту.

В той же переписке затрагивается творчество Шиллера, которого Федор Достоевский называл «христианским поэтом», чей вдохновенный порыв ведет к постижению Бога [Д30; т. 28, кн. 1: 53]. Молодой писатель горячо обсуждал с братом Михаилом необходимость переводов Шиллера, находясь под влиянием эстетических воззрений немецкого мыслителя. По мнению О. А. Богдановой и А. Б. Криницына, влияние идей Шиллера, особенно развитых в его трактате «Об эстетическом воспитании человека» (“Über die ästhetische Erziehung des Menschen”, 1795), очевидно в том, как Достоевский воспринял и развил концепцию духовного освобождения и преображения мира через красоту искусства ([Богданова, 2013, 2014, 2015], [Криницын]).

В свете этой философской традиции можно рассмотреть статью Достоевского 1861 г. «Г.-бов и вопрос об искусстве». Ведя полемику с утилитаристами, преуменьшавшими значение красоты и требовавшими от искусства лишь социальной пользы, Достоевский развернуто изложил свою позицию. Он утверждал роль искусства в обществе, исходя из антропологического значения эстетики и сопрягая концепцию красоты с философией человеческой свободы.

Проблему эстетики как проблему антропологии у Достоевского нам уже приходилось рассматривать, отмечая принципиальное различие в этом вопросе между его подходом и подходом Фридриха Шиллера [Shimizu]. Если их объединяет общее противодействие материалистическому взгляду на человека, то в понимании свободы они расходятся кардинально. Для Шиллера *свобода* (Freiheit) тождественна автономии (Autonomie) — способности человека самостоятельно обрести идеал красоты.

Достоевский, как отмечал Н. А. Бердяев, показал, что без свободы нет личности, нет добра и веры, но свобода — это крест, который человек несет, и бездна, через которую он должен пройти. Свобода — это не право, а бремя

и призвание, ведущее либо к обожению, либо к гибели [Бердяев]. Писатель полагал, что поиск красоты в условиях абсолютной, ничем не ограниченной свободы чреват ее чудовищной подменой. Это противоречивое сопряжение красоты и свободы составляет важнейший аспект *теологически* обоснованной эстетики Достоевского, что разительно отличает ее от *гуманистической* эстетики Шиллера, сформировавшейся в русле немецкого Просвещения. Идеалом последнего было освобождение человека как от животного варварства, так и от диктата чистого разума (см. об этом: [Крыштоп]). Суть эстетической концепции Шиллера точно выразил Куно Фишер: «Красота освобождает нас» (“die Schönheit befreit uns”) [Fischer: 165].

Наглядной иллюстрацией шиллеровского понимания связи между свободой, красотой и нравственностью служит его анализ евангельской притчи о добром самарянине (Лк. 10:25–37) в статье «Каллий, или О красоте». Шиллер разбирает возможные реакции разных людей на встречу с путником, ограбленным, избитым и брошенным в жестокую стужу на дороге разбойниками. Один встречный, движимый лишь минутным сердечным порывом, сочувствует, но проходит мимо — его поступок не несет ни пользы, ни морали, ни красоты. Другой предлагает помощь за плату, руководствуясь чистой корыстью. Третий помогает из чувства долга и уважения к нравственному закону. Даже враги пострадавшего предлагают ему помощь, но тот отвергает ее из гордости: «...лучше погибнуть, чем быть обязанным спасением надменному врагу!» [Шиллер: 86]. И только последний путник, бескорыстно и самоотверженно, бросив свои вещи и неся на собственной спине пострадавшего человека до ближайшей деревни, проявляет подлинное милосердие.

Именно этот последний поступок, по Шиллеру, является *прекрасным*, ибо он абсолютно свободен и бескорыстен, независим от любого утилитарного расчета или внешнего принуждения. В основе такого идеала красоты лежит искренняя любовь и сострадание к ближнему. Подобная диалектика свободы и красоты, неразрывная связь этического и эстетического, характерна и для мировоззрения Достоевского.

Однако понимание свободы и ее связи с красотой у Шиллера и Достоевского имеет принципиальные различия. Для Шиллера свобода — это идеальное состояние человеческой автономии, условие для следования нравственному закону по внутреннему убеждению. Для Достоевского свобода — дарованная Богом и потому амбивалентная основа человеческого бытия, несущая в себе как потенциал высочайшего взлета, так и риск глубочайшего падения. Это коренное расхождение проистекает из различных философских традиций: гуманистического рационализма немецкого Просвещения у Шиллера и христоцентричного экзистенциального мышления у Достоевского.

Соответственно различаются и эстетические идеалы. Шиллеровский идеал воплощен в фигуре «прекрасной души», где долг и склонность гармонично слиты, а добро творится естественно и радостно, без кантовского

принуждения. Эта модель отражает веру Просвещения в разум и самодостаточность человеческой природы. Не случайно славянофилы, и прежде всего А. С. Хомяков, критиковали подобную немецкую философию именно за то, что ее упование на разум не оставляет места для божественного откровения в нравственной жизни человека (см.: [Nemeth]).

Для Достоевского же единственным и абсолютным идеалом, в котором красота и свобода находят свое совершенное выражение, является Христос. Этот тезис стал почти аксиоматичным в современном достоевковедении, что, на наш взгляд, требует определенного уточнения. Дело не в том, чтобы оспорить сам факт христоцентричности идеала писателя, а в том, чтобы проследить, как этот идеал формировался в полемике с современными ему концепциями. Именно такую ревизию предшествующей эстетической мысли предпринимает Достоевский в статье «Г. -бов и вопрос об искусстве». Бросая вызов утилитаристам риторическим вопросом «про какие идеалы вы говорите?» [Д30; т. 18: 94], он сам оставляет его без прямого ответа.

Где же этот ответ может быть найден? На наш взгляд, процесс кристаллизации идеала красоты в его антропологическом измерении наиболее отчетливо отражен в «Записках из подполья» (1864). Здесь продолжается начатая в статье критика механистического, материалистического взгляда на человека, а проблема свободы как определяющего фактора в поиске добра и красоты выходит на первый план. Рассуждения «подпольного человека» ведут острую полемику с романом Н. Г. Чернышевского «Что делать?», где в основу человеческих поступков положена теория «разумного эгоизма»¹.

Эта теория, сформулированная Чернышевским в работе «Антропологический принцип в философии» (1860) и художественно воплощенная в романе (1863), исходит из рациональной природы всех нравственных побуждений. С точки зрения критика, разумный эгоизм — это естественное стремление личности к собственному благу, которое, будучи правильно понято, закономерно ведет к общественному добру, счастью и красоте [Чернышевский: 218]. Однако, как справедливо отметил В. К. Кантор, Чернышевский фактически произвел своеобразную перверсию христианской заповеди «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39) [Кантор: 105]. Он свел ее к рациональной формуле: чтобы возлюбить ближнего, необходимо для начала полюбить самого себя, то есть сделать личный интерес разумным основанием морали.

Реагируя на антропологию Чернышевского, «подпольный человек» с глубочайшим скепсисом отзывается о принципе разумного эгоизма. Он заявляет, что готов «нарочно пожелать самого пагубного вздора, самой неэкономической бессмыслицы» лишь для того, чтобы доказать свою свободу

¹ Заметим, что Чернышевский в своих трудах не употреблял термин «разумный эгоизм». Позднее он использовался исследователями как лаконичный способ описания идеи Чернышевского.

и отказаться от роли «фортепьянной клавиши» в рациональной механике мироздания [Д30; т. 5: 116–117]. Защищая эту свободу, герой прекрасно осознает ее иррациональную, демоническую природу, которая может вести человека к извращенному поиску красоты в грехе и безобразии. Так свобода воли у Достоевского противопоставляется любой упорядоченной рациональности, а само стремление к красоте объявляется фундаментально иррациональным актом.

Но каков же тогда позитивный, свободно избранный этический идеал красоты? Ключ к ответу содержится в черновой записи Достоевского от 16 апреля 1864 г.:

«Маша лежит на столе. Увижусь-ли съ Машей?

Возлюбить человека, как самого себя по заповѣди Христовой — невозможно. Законъ личности на Земль связываетъ. Я препятствуетъ. Одинъ Христосъ могъ, но Христосъ былъ въковѣчный отъ вѣка идеаль, къ которому стремится, и по закону природы долженъ стремиться человекъ»².

Здесь с предельной ясностью выражен его взгляд на внутреннюю раздвоенность человека, находящегося под действием двух законов: закона я (эгоизма) и закона, влекущего его к христианской любви. Имея в виду евангельскую заповедь «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39), писатель подчеркивает, что именно это я — непреодолимая преграда на пути к христообразной любви. На поверхностный взгляд, такая констатация эгоистической природы человека сближает его с Чернышевским, однако при ближайшем рассмотрении вскрывается пропасть между их антропологическими моделями.

Для Чернышевского я — синоним разумного начала, призванного гармонизировать и примирить интересы. У Достоевского же я, высвобожденное из-под власти материальной рациональности, становится источником конфликта и страдания. Критик, признавая в человеке лишь закон я, или эгоизма в человеке, утверждал: «В побуждениях человека, как и во всех сторонах его жизни, нет двух различных натур, двух основных законов, различных или противоположных между собою, а все разнообразие явления в сфере человеческих побуждений к действию, как и во всей человеческой жизни, происходит из одной и той же природы, по одному и тому же закону» [Чернышевский: 208].

Достоевский, напротив, настаивает на дуалистичности человеческой природы: в ней одновременно действуют закон эгоистического я и закон, влекущий к любви к ближнему. Писатель трезво признает, что в земных условиях евангельский идеал недостижим в своей полноте, но именно это

² ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 41. Ср.: [Д30; т. 20: 172].

признание делает стремление к нему — это «вечное искание» — нравственным императивом и сущностью человеческого пути.

Критика теории разумного эгоизма, отрицающей саму возможность бескорыстной любви, пронизывает и другие произведения Достоевского того периода. В «Записках из Мертвого Дома» (1860–1862), создававшихся одновременно с публикацией «Антропологического принципа в философии», рассказчик Горянчиков вспоминает женщину, самоотверженно заботившуюся о каторжниках. Этот пример служит для автора живым опровержением утилитарной морали:

«Говорят иные (я слышал и читал это), что высочайшая любовь к ближнему есть в то же время и величайший эгоизм. Уж в чем тут-то был эгоизм — никак не пойму» [Д30; т. 4: 68].

В конечном счете разрешение трагического противоречия между законом я и законом любви Достоевский связывает с Христом как с воплощенным «идеалом человека во плоти» [Д30; т. 20: 172]. Согласно его убеждению, мир обретает подлинную красоту лишь тогда, когда люди свободно и добровольно объединяются в гармонии, основанной на христианской любви. В этой связи Н. А. Тарасова справедливо отмечает, что восприятие Достоевским Христа как эстетического идеала укоренено в семантике древнегреческого слова *καλόν* (прекрасное) в Новом Завете, где оно тождественно понятию «доброе». Это указывает на знакомство писателя с традицией неразрывного синтеза Благодати (Добра) и Красоты, характерной для православного мировоззрения [Тарасова, 2015: 262–263].

Таким образом, к середине 1860-х гг. эстетический идеал красоты, обозначенный в статье «Г. -бов и вопрос об искусстве», окончательно смыкается у Достоевского с этическим идеалом христианской любви и всечеловеческой гармонии. В его картине мира человек был сотворен прекрасным³, но, обретя свободу, утратил первозданную гармонию. Однако жажда красоты как онтологическая потребность в нем неистребима:

«Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, — неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете» [Д30; т. 18: 94].

Вечный поиск утраченного идеала находит свою конечную цель и воплощение в личности Христа, в Котором красота достигнет своей полноты в эсхатологической перспективе.

Однако здесь возникает новый вопрос. В той же статье Достоевский утверждает, что миссия искусства — воссоздавать идеал красоты как зримой гармонии. При этом в его собственном художественном мире такие

³ Так, в «фантастическом рассказе» «Сон смешного человека» планета, на которой оказался герой, называется «прекрасной», напоминая Землю до грехопадения [Д30; т. 25: 112].

гармоничные образы встречаются крайне редко. Это порождает кажущееся противоречие между его эстетической теорией и художественной практикой. Н. В. Кашина, например, пришла к выводу, что теоретические взгляды писателя на искусство слабо связаны с его творчеством [Кашина: 5–6].

Чтобы объяснить это кажущееся несоответствие, стоит обратить внимание на те эталоны прекрасного, которые сам Достоевский называл в качестве образцов: «Илиаду», скульптуры Аполлона Бельведерского и богини Дианы. Его выбор позволяет провести параллель с эстетической системой Гегеля. Немецкий философ в лекциях по эстетике, прослеживая развитие искусства от античности до XIX столетия, также выделял три формы воплощения Абсолютной Идеи (Бога): искусство, религию и философию. Искусство, по Гегелю, выражает идею в чувственно воспринимаемой форме. Он различал три ступени искусства: символическую, классическую и романтическую. Совершенным воплощением идеала Гегель считал именно классическое греческое искусство, где духовное начало находило адекватное и гармоничное выражение в прекрасной телесной форме. С появлением христианства, с точки зрения философа, наступает эра романтического искусства: Бог понимается как чисто духовная сущность, которую невозможно достаточно и адекватно выразить в материальной форме, что ведет к «распаду» классического идеала. Искусство перестает быть высшей формой познания абсолютного духа, уступая место религии и философии [Гегель].

На первый взгляд, эстетические предпочтения Гегеля и Достоевского могут показаться близкими. Сам Достоевский, работая над романом «Идиот», осознавая титаническую сложность задачи воплотить «положительно прекрасного человека» средствами литературы, отмечал:

«Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь» [Д30; т. 28, кн. 2: 251].

Ключевые слова «особенно теперь» указывают на глубокое убеждение писателя в том, что в современную ему эпоху, в отличие от эпохи классического искусства, прямое изображение абсолютной красоты становится едва ли возможным.

Таким образом, признавая эту невозможность в условиях «разъединенного» мира, Достоевский сосредотачивается в своем творчестве не на изображении самого идеала, а на изображении *поиска* этого идеала, мучительного и часто трагического стремления к нему человека. Его герои — это искатели. Даже в романе «Бесы» устами Степана Трофимовича Верховенского, спорящего с нигилистами, Достоевский вновь провозглашает онтологическую необходимость красоты, почти дословно повторяя свою статью 1861 г. «Г. -бов и вопрос об искусстве»:

«...без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете!» [Д30; т. 10: 373].

Резюмируя, можно утверждать, что категория красоты в системе взглядов Достоевского, укорененной в христианской антропологии, раскрывается в неразрывном единстве онтологического, религиозного, аксиологического и нравственного аспектов. В его творчестве вопросы этики, эстетики и религии сходятся в единственном абсолютном фокусе — в образе Христа как «положительно прекрасного лица».

Кульминационным выражением этой идеи становится знаменитая формула писателя о спасительной силе красоты. В романе «Идиот» она подается как вопрос, переходящий из уст в уста:

«...мир спасет "красота"? <...> Какая красота спасет мир?» [Д30; т. 8: 317].

В подготовительных материалах к роману есть и другой вариант этой формулы: «*Миръ красотой спасется*»⁴. Эти слова героев давно приписаны автору и «стали одной из идей современной культуры» [Захаров, 1993: 21–23]. Однако в рукописях к «Бесам» находится ключевое уточнение, раскрывающее суть идеала красоты для Достоевского. Шатову в этих набросках принадлежат слова: «*Миръ спасаетъ Красота Христова*». Далее следует рассуждение о необходимости веры: «*Если я несовершенень<, > гадокъ и золь, то я знаю что есть другой идеаль мой, который прекрасень, святъ и блаженъ. Если во мнѣ хоть на одну искру величія и великодушія, то уже одна эта идея отрадна мнѣ*»⁵.

Строки из чернового автографа «Бесов» долгое время цитировались в искаженном виде. После ошибочной публикации Е. Н. Коншиной [Записные тетради: 222], а затем в Полном собрании сочинений писателя в научный оборот вошла формулировка «Мир **станет** красота Христова» [Д30; т. 11: 188]. Она широко известна в литературной критике. Но, как доказала Н. А. Тарасова, в рукописи читается: «*Миръ спасаетъ Красота Христова*» [Тарасова, 2019: 212]. Значение этого исправления отметил В. Н. Захаров: «"Спасает" или "станет" — смысл высказывания разительно меняется. Ради подобных исправлений и трудятся текстологи» [Захаров, 2009: 15].

Смысловая разница между двумя вариантами принципиальна. Ошибочный глагол «станет» смещает акцент на конечное состояние мира, его полное преобразование в красоту. Подлинный же глагол «спасает» указывает на сам источник и действующую силу спасения — Красоту Христову, которая противостоит хаосу и распаду, описанным в романе «Бесы». Написание с заглавной буквы ключевых слов не случайно — Достоевский наделяет понятия «Красота» и «Христос» статусом метафизических абсолютов, подчеркивая их сакральную сущность⁶.

⁴ РГАЛИ. Ф. 212.1.7. С. 17.

⁵ ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 40.

⁶ См. об этом: [Захаров, 2013: 13–14].

Таким образом, формула «Миръ спасаетъ Красота Христова» разрешает вопрос, поставленный в романе «Идиот»: эстетический принцип писателя оказывается неразрывно связан с христианским антропологизмом.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. Прага: YMCA Press, 1923. 238 с.
2. Богданова О. А. Спасет ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф. М. Достоевского. Статья первая // Новый филологический вестник. 2013. № 4 (27). С. 74–93 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21543570_20104348.pdf (10.09.2025). EDN: SDLJWL
3. Богданова О. А. Спасет ли мир красота? Проблема красоты и женские характеры в романном творчестве Ф. М. Достоевского. Статья вторая // Новый филологический вестник. 2014. № 1 (28). С. 42–70 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22412554_56073586.pdf (10.09.2025). EDN: SWLURB
4. Богданова О. А. Диалектика мечты и красоты: Шиллер и Достоевский // Шиллер в культурных мифах современности. М.: Пробел-2000, 2015. С. 302–337. EDN: WBJGKL
5. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. М.: Соцэкгиз, 1938. Т. 12: Лекции по эстетике. Кн. 1 / пер. Б. Г. Столпнера. 494 с.; М.: Соцэкгиз, 1940. Т. 13: Лекции по эстетике. Кн. 2 / пер. Б. Г. Столпнера. 362 с.; М.: Изд-во социально-экономической лит-ры, 1958. Т. 14: Лекции по эстетике. Кн. 3 / пер. П. С. Попова. 440 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
7. Записные тетради Ф. М. Достоевского, публикуемые Центральным архивным управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной библиотекой СССР имени Ленина (тетради №№ 2 и 3) / подгот. к печати Е. Н. Коншиной; коммент. Н. И. Игнатовой, Е. Н. Коншиной. М.; Л.: Academia, 1935. 473 с. (Сер.: Русские мемуары, дневники, письма и материалы.)
8. Захаров В. Н. Парадоксы признания: проблема «традиций Достоевского» в культуре XX века // *Dostoevsky and the Twentieth Century* / ed. Malcolm V. Jones. Nottingham: Astra Press, 1993. Pp. 19–35.
9. Захаров В. Н. Текстология как технология // Проблемы текстологии Ф. М. Достоевского. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. Вып. 1: Проблемы текстологии романов «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы». С. 3–26 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23774284_52442605.pdf (10.09.2025). EDN: URDYAI
10. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. 456 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23879493_43521706.pdf (10.09.2025). EDN: UCOKYJ
11. Кантор В. К. Чернышевский и Достоевский: параллели // *Literatura rosyjska: idee, poetyki, interpretacje*. Katowice: Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, 2018. С. 101–131.
12. Кашина Н. В. Эстетика Ф. М. Достоевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 288 с.
13. Киносита Т. Понятие «красоты» в свете идей эстетики Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 96–101. EDN: XWQLNZ
14. Криницын А. Б. О счастье и радости в мире Достоевского. М: ЯСК, 2022. 328 с. (Сер.: *Studia Philologica*.)

15. Крыштоп Л. Э. Феномен немецкого Просвещения // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 2 (36). С. 84–99 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35362102_34718911.pdf (10.09.2025). DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-84-99. EDN: XVVBQKT
16. Олливе С. Достоевский и Шатобриан // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 5. С. 328–336 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2521> (10.09.2025). EDN: RUYKKD
17. Тарасова Н. А. Специфика функционирования библейского текста в романном сюжете: к проблеме интерпретации библейских цитат и аллюзий в романе Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Вып. 13. С. 253–270 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449826486.pdf (10.09.2025). EDN: VJUJPP
18. Тарасова Н. А. Установление текста на основании графологического анализа (на примере черновых рукописей романа Достоевского «Бесы» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2019. № 2 (6). С. 191–215 [Электронный ресурс]. URL: https://dostmirkult.ru/images/DOST_2019-26-intern1-192-216.pdf (10.09.2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2019-2-191-215. EDN: HVAQHB
19. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н. Г. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 2. С. 146–229 [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/MAAutzJVFcDF> (10.09.2025).
20. Шиллер Ф. Собр. соч.: в 7 т. / под общ. ред. Н. Н. Вильмонта и Р. М. Самарина; пер. с нем. под ред. Н. А. Славятинского. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 6: Статьи по эстетике. 792 с.
21. Jackson Robert L. Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions. Stanford, California: Stanford University Press, 1993. 348 p.
22. Fischer K. Schiller als Philosoph. Leipzig: Fues's Verlag, 1868. 170 p.
23. Nemeth T. Kant in Imperial Russia. Cham: Springer, 2017. 389 p. (Ser.: Studies in German Idealism.)
24. Shimizu Shingo. Dostoevsky's Concept of Aesthetic Education: the Anthropological Foundations of Philosophy of Art in "Mr. -bov and the Problem of Art" // Dostoevsky Square. 2025. No. 34. Pp. 63–89.

References

1. Berdyaev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's World View]*. Praga, YMCA Press Publ., 1923. 238 p. (In Russ.)
2. Bogdanova O. A. Will Beauty Save the World? The Problem of Beauty and Female Characters in F. M. Dostoyevsky's Novels. Article 1. In: *Novyy filologicheskiy vestnik [The New Philological Bulletin]*, 2013, no. 4 (27), pp. 74–93. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21543570_20104348.pdf (accessed on September 10, 2025). EDN: SDLJWL (In Russ.)
3. Bogdanova O. A. Will Beauty Save the World? The Problem of Beauty and Female Characters in F. M. Dostoyevsky's Novels. Article 2. In: *Novyy filologicheskiy vestnik [The New Philological Bulletin]*, 2014, no. 1 (28), pp. 42–70. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22412554_56073586.pdf (accessed on September 10, 2025). EDN: SWLURB (In Russ.)
4. Bogdanova O. A. The Dialectic of Dreams and Beauty: Schiller and Dostoevsky. In: *Shiller v kul'turnykh mifakh sovremennosti [Schiller in the Cultural Myths of Modern Times]*. Moscow, Probel-2000 Publ., 2015, pp. 302–337. EDN: WBJGKL (In Russ.)

5. Hegel G.-W.-F. *Sochineniya: v 14 tomakh* [Works: in 14 Vols]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1938, vol. 12: Lectures on Aesthetics, book 1. 494 p.; Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1940, vol. 13: Lectures on Aesthetics, book 2. 362 p.; Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Publ., 1958, vol. 14: Lectures on Aesthetics, book 3. 440 p. (In Russ.)
6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
7. *Zapisnye tetradi F. M. Dostoevskogo, publikuemye Tsentral'nym arkhivnym upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publitsnoy bibliotekoy SSSR imeni Lenina (tetradi №№ 2 i 3)* [F. M. Dostoevsky's Notebooks Published by the Central Direction of Archives of the USSR (Notebooks No. 1 and No. 4) and by the Lenin State Library of the USSR (Notebooks No. 2 and No. 3)]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 473 p. (Ser.: Russian Memoirs, Diaries, Letters, and Materials.) (In Russ.)
8. Zakharov V. N. Paradoxes of Recognition: the Problem of “Dostoevsky’s Traditions” in the Culture of the 20th Century. In: *Dostoevsky and the Twentieth Century*. Nottingham, Astra Press Publ., 1993, pp. 19–35. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. Textual Criticism as a Technology. In: *Problemy tekstologii F. M. Dostoevskogo* [The Problems of Fyodor Dostoevsky’s Textual Criticism]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., issue 1: Problems of Textual Criticism of the Novels “Crime and Punishment”, “The Idiot”, “Demons”, pp. 3–26. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_23774284_52442605.pdf (accessed on September 10, 2025). EDN: URDYAI (In Russ.)
10. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author’s Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_23879493_43521706.pdf (accessed on September 10, 2025). EDN: UCOKYJ (In Russ.)
11. Kantor V. K. Chernyshevsky and Dostoevsky: Parallels. In: *Literatura rosyjska: idee, poetyki, interpretacje* [Russian Literature: Ideas, Poetics, Interpretations]. Katowice, Association of Publishing Initiatives Publ., 2018, pp. 101–131. (In Russ.)
12. Kashina N. V. *Estetika F. M. Dostoevskogo* [The Aesthetics of F. M. Dostoevsky]. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 288 p. (In Russ.)
13. Kinoshita T. The Concept of “Beauty” in Light of Dostoevsky’s Aesthetic Ideas. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, vol. 11, pp. 96–101. EDN: XWQLNZ (In Russ.)
14. Krinitsyn A. B. *O schast'e i radosti v mire Dostoevskogo* [On Happiness and Joy in the World of Dostoevsky]. Moscow, YASK Publ., 2022. 328 p. (Ser.: Studia Philologica.) (In Russ.)
15. Kryshchop L. E. Phenomenon of the German Enlightenment. In: *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2018, vol. 2, no. 2 (36), pp. 84–99. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35362102_34718911.pdf (accessed on September 10, 2025). DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-84-99. EDN: XVBQKT (In Russ.)
16. Ollivier S. Dostoevsky and Chateaubriand. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1998, issue 5, pp. 328–336. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2521> (accessed on September 10, 2025). EDN: RUYKKD (In Russ.)
17. Tarasova N. A. Peculiarities of Functioning of the Biblical Text in a Novel’s Plot: on the Problem of Interpretation of Biblical Quotations and Allusions in Dostoevsky’s “Crime and Punishment”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, issue 13, pp. 253–270. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449826486.pdf (accessed on September 10, 2025). EDN: VJUJPP (In Russ.)

18. Tarasova N. A. Critical Study of the Text on the Basis of Graphological Analysis (on the Material of Draft Manuscripts of Dostoevsky's Novel "Demons"). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskij zhurnal* [*Dostoevsky and World Culture. Philological Journal*], 2019, no. 2 (6), pp. 191–215. Available at: https://dostmirkult.ru/images/DOST_2019-26-intern1-192-216.pdf (accessed on September 10, 2025). DOI: 10.22455/2619-0311-2019-2-191-215. EDN: HVAQHB (In Russ.)
19. Chernyshevskiy N. G. Anthropological Principle in Philosophy. In: *Chernyshevskiy N. G. Sochineniya: v 2 tomakh* [*Chernyshevsky N. G. Works: in 2 Vols*]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, vol. 2, pp. 146–229. Available at: <https://djvu.online/file/MAAutzJVFcDF> (accessed on September 10, 2025). (In Russ.)
20. Schiller F. *Sobranie sochineniy: v 7 tomakh* [*The Complete Works: in 7 Vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1957, vol. 6. 792 p. (In Russ.)
21. Jackson Robert L. *Dialogues with Dostoevsky. The Overwhelming Questions*. Stanford, California, Stanford University Press Publ., 1993. 348 p. (In English)
22. Fischer K. *Schiller als Philosoph* [*Schiller as a Philosopher*]. Leipzig, Fues Publ., 1868. 170 p. (In German)
23. Nemeth T. *Kant in Imperial Russia*. Cham, Springer Publ., 2017. 389 p. (Ser.: Studies in German Idealism.) (In English)
24. Shimizu Shingo. Dostoevsky's Concept of Aesthetic Education: the Anthropological Foundations of Philosophy of Art in "Mr. -bov and the Problem of Art". In: *Dostoevsky Square*, 2025, no. 34, pp. 63–89. (In Japanese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сумидзу Синго, аспирант, Лаборатория **Shingo Shimizu**, PhD Student, Laboratory of славянских языков и литературы, аспирантура гуманитарных и социологических наук, Токийский университет (7-3-1 Хонго Бункё-ку, Токио, Япония); e-mail: s1220kiyo@outlook.jp. Slavic Languages and Literature, Department of Humanities and Sociology, Tokyo University (7-3-1 Hongo Bunkyo-ku, Tokyo, Japan); e-mail: s1220kiyo@outlook.jp.

Поступила в редакцию / Received 20.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2026

Принята к публикации / Accepted 20.01.2026

Дата публикации / Date of publication 15.06.2026